

тролирующим организациям, как Украины, так и стран партнеров, в свою очередь это позитивно отразится на интеграции Украины в мировое демократическое сообщество.

Источники и литература

1. Анализ политической ситуации на Украине за период 2004–2005 г. // Вестник Верховной рады Украины. – К.: Госукрпринт, 2005. – № 11(26). – 746 с.
2. Законодательная база Украины. Издание 3-е. – К.: Госукрпринт. 2006. – 836 с.
3. Куртов А., Коган М. Охота на дракона: Размышления о выборах и политическом консультировании. – М.: ГУ ВШЭ, 2002. – С. 221–296.
4. Малишевский Н.М. Технологии и организация выборов. – Минск: 2003. – С. 42–96.
5. Правовой вестник государственного департамента интеллектуальной собственности. – К.: Альфа–М. 2006. № 6. – 158 с.
6. Сборник материалов Верховной рады Украины. – К.: Поли-принт. 1998. № 7. – 622 с.
7. Устименко С.В. Технология предвыборной кампании. Издание 2-е. – М.: Союз, 2002. – С. 86–119
8. Фаер С. Приемы стратегии и тактики предвыборной борьбы. – К.: Столица, 2004. – С. 118–196.

Гончарова Н.И.

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПОСТТРАДИЦИОНАЛИСТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В самом общем виде самоидентификацию личности можно представить как нахождение своего «Я» через соотношение (сопричастность) некоторым устойчивым элементам социальной структуры – социальным общностям. Как таковая, самоидентификация является обязательной составляющей становления личности, и может рассматриваться как в онтогенезе (в плане развития отдельного индивида), так и в филогенезе (в русле исторического развития человеческого общества). Но и в том, и в другом случае в качестве первичного элемента идентификационной структуры выступает семья.

Индивид, проходя первые этапы социализации внутри семейно-родственного пространства, переходит затем к социальному взаимодействию в малых социальных группах (двор либо улица, школа или мастерская), где привычные, некритично усвоенные нормы подвергаются оспариванию в столкновении с иными нормами мировосприятия и миропонимания. Таким образом, возникает четкая соотнесенность личного «я» – с «мы» семейного социума.

По мере взросления индивида увеличивается количество разновеликих социальных общностей, с которыми он соотносит себя (либо через сопричастность им, либо через противостояние). А впоследствии, сформировавшись как личность, индивид обретает более или менее устойчивый вариант самоидентификационной позиции через существующие в современном ему социальном континууме «узловые» координаты. Для современного человека такими могут быть – профессионально-статусная самоидентификация, этнонациональная и религиозно-идеологическая, этатическая и региональная. Безусловно, эти координаты не являются постоянными, но при всех изменениях остается главное – скоординированность личности относительно некоторых устойчивых социальных общностей.

Однако такой вариант самоидентификации сам по себе явился результатом длительных исторических процессов, которые мы рассмотрим в самом общем виде.

Исторически, в наиболее примитивном варианте общества (в архаичных группах) человек вообще не может определить себя иначе, чем через определенные кровнородственные связи: он существует как «отец такого-то», «сын такого-то». При этом семья существует как «род», насчитывает огромное количество разнообразных форм и степеней родства.

По мере усложнения социальной структуры появляются иные формы самоидентификации – этническая, религиозная, сословная и т. д. Однако если в целом рассматривать различные этапы развития традиционного (добуржуазного) общества, именно семья составляет не только первичную, но и основную модель самоидентификации. Все общественные структуры, от сельской или городской общины до государства, от ремесленного цеха до монастыря и армии – представляют собой некоторые аналоги семьи с устоявшимися половозрастными ролями («старшие» и «младшие», «братья» и «сестры» и т. п.). Худшее, что может произойти с человеком в традиционном обществе – потеря своей семьи: «сирота», «байстрюк», «один в целом мире» – характеристики глубоко несчастного («потерянного») человека.

Если рассматривать ситуацию далее, то, в классическом варианте (в частности, в концепции Д. Белла), традиционному обществу наследуют индустриальное и постиндустриальное, сформированные на базе технологической цивилизации, одной из качественных характеристик которой является быстрая трансформация социальных связей. Но, поскольку данная трансформация не везде происходит одинаковыми путями и одинаковыми темпами, возникает необходимость разделения обществ по основному способу хранения и передачи социальных ценностей, и некоторому идеалу личности, поставленному как заданная цель развития.

В этом плане «традиционалистскому» обществу, с его ориентацией на устойчивую социальную структуру и консервативную мораль, приверженностью коллективистским формам общественного бытия противостоит «прогрессистское» («модернистское», «либералистское») общество, с его основной ценностью индивидуальной свободы, и идеалом суверенной, независимой личности, свободно меняющей социальные группы. (Имен-

но в таком варианте рассматриваются два этих понятия в современной политической, а отчасти политологической мысли [4]). К первому типу можно отнести общества некоторых восточных государств, а также республики (ныне – независимые государства) бывшего Союза, ко второму – страны Западной Европы и Америки.

Рассматривая более подробно структуру самоидентификации в традиционалистских обществах, мы можем выделить следующие уровни.

Первым (и наиболее значимым, некоторым «внутренним ядром» всей последующей системы), по-прежнему выступает семья. Но семья в данном случае существует уже не как род, а в нуклеарной форме: только два поколения, «родители» и «дети». Процесс контракции (термин, предложенный Э. Дюркгеймом для обозначения тенденции к сокращению «семейно-родственного пространства») приводит к тому, что даже двоюродная степень родства считается уже достаточно далекой.

При этом сохраняется, в основном, устойчивая половозрастная структура социальных ролей. «Ребенок» и «подросток» не равны «взрослым», «родителям», и уже в 3–5-летнем возрасте усваиваются первичные стереотипы гендерного поведения, «мужских» и «женских» ролей.

Тесно связаны с предыдущей, хотя играют, в основном, подчиненную роль:

1. религиозная форма самоидентификации (по вероисповеданию: христианин, иудей, мусульманин);
2. этнонациональная (этнокультурная) самоидентификация (по этническому принципу и как внутренняя интегрированность в национальную культуру: украинец, русский, казах);
3. региональная (по месту проживания; в идеале оно же – место рождения: одессит, полтавчанин, крымчанин).

Естественная близость этнонациональной и региональной форм (иногда с участием религиозной) порождает феномен «землячества», как некоторую синкретичность пространственно определенного нациокультурного бытия.

Традиционалистское общество, сохраняя общую связь семейно-родственной, этнической и религиозной самоидентификации, тем не менее, существенным образом меняет ее характер. Не этнос (конфессия) воспринимается как «расширенная семья», но наоборот, семья носит некоторый этноопределенный (и/или конфессиональный) оттенок, все более вариативный – с распространением межэтнических и межконфессиональных браков. Усложняется и региональная самоидентификация, что связано с приобретающими массовый характер процессами миграции.

На фундаменте этнонациональной и региональной форм вырастает этатическая самоидентификация – по принадлежности к определенному государству (существуя в латентной форме в обыденной жизни, она, как правило, актуализируется при встрече с представителями иных государств). А религиозная форма идентификации постепенно приобретает характер религиозно-идеологической. Политическая позиция становится не менее (а порой – и более) значимой, нежели принадлежность некоторой конфессии.

Главенствующую позицию в традиционалистском обществе занимает самоидентификация по профессиональной принадлежности и социальному статусу. И если в традиционном обществе основным идентификационным вопросом можно считать вопрос «Вы чьих будете?» (таким образом, актуализируется соотносительность с семьей в широком смысле слова, с родственным кланом), то в традиционалистском обществе ту же функцию выполняет вопрос – «Кто Вы будете?» обращенный к профессиональному и социальному статусу. (В качестве дополнения может быть использован и вопрос «А родители – кто?», опять-таки, имеющий профессионально-статусный контекст). Поэтому «человек свободной профессии» автоматически приобретает черты маргинала – и вызывает определенные подозрения, как индивид, утративший свою социальную идентичность.

В посттрадиционалистском обществе (а именно так можно охарактеризовать современный этап развития стран «славянского мира» – Украины, России, Белоруссии) большинство этих элементов социальной структуры постепенно разрушается.

Нуклеарная (относительно стабильная) семья заменяется самыми разнообразными формами совместного существования, от нетрадиционных до архаичных. В современном обществе соседствуют полигамия и полиандрия, групповой и гражданский брак, «открытая семья» и гомосексуальные союзы.

Связь и взаимоотношения «родителей» и «детей» здесь также теряют абсолютный характер. Официально узаконенное суррогатное материнство, увеличение числа «приемных» семей, движения «папов» и «мапов» (семей, где один из родителей пытается совместить две социальные роли – отца и матери), – все это естественным образом связано с разрушением привычной половозрастной структуры, что, в частности, находит свое отражение в правовых коллизиях.

Так, лицо в возрасте 14 лет – «несовершеннолетний» согласно современному Семейному кодексу Украины, «ребенок» – по обыденно-привычной возрастной градации, согласно ст. 23 вышеназванного Кодекса признается достаточно взрослым для вступления в брак/ «если будет установлено, что это отвечает интересам» данного лица. [5] Более того, при вступлении в брак данное лицо получает полную гражданскую дееспособность, т. е., право быть субъектом хозяйственной деятельности, заключать договоры, быть владельцем предприятия и т. п. [6] – права абсолютно «взрослого» индивида. (Заметим, что с точки зрения Криминального кодекса в отношении лиц данного возраста все еще действует *неполная* уголовная ответственность, соответственно, «взрослыми» они не признаются [2]).

Возможность смены своего пола, транссексуализм, гомосексуализм – данные феномены существуют не просто «открыто», но открыто рекламируемы, что, безусловно, разрушает традиционные модели гендерного поведения.

В отношении профессионально-статусной формы самоидентификации (столь существенной в недавнем прошлом) также произошли определенные перемены, ибо среди всего перечня профессий наиболее часто встречается самоопределение «бизнесмен» (что, по сути дела, не включает в себе ничего определенного), а

социальный статус приобрел более выраженную связь с размерами дохода.

Региональная форма самоидентификации становится практически невозможной – в силу глобальности миграционных процессов. То же замечание можно отнести и к этатической самоидентификации, с тем уточнением, что в данном случае играют свою роль не только миграция населения, но и «миграция границ» – вследствие образования новых государственных и псевдогосударственных форм.

Дальнейшее развитие смешанных (в этническом и этатическом, а также конфессиональном отношении) браков порождает достаточно забавные идентификационные казусы. Приведем два примера, которые, не имея доказательной силы, тем не менее наглядно свидетельствуют о трудностях подобной идентификации на сегодняшний день.

Пример первый – из статьи о шахматисте Г. Каспарове: «Этот *русский*, рожденный в *Азербайджане*, мать которого *армянка*, а отец *еврей*, ненавидит проигрывать» (испанское издание «El Pais»).

Пример второй – из заметки об авиационной катастрофе: «Пресс-секретарь мэрии *Тюмени Гульнара Сидоркина* заявила...» (русское издание ИД «Коммерсантъ»).

Казалось бы, подобные трудности должны привести к постепенному угасанию этнонациональной формы самоидентификации, однако в действительности мы наблюдаем прямо противоположный эффект. И одна из причин данного феномена – по нашему мнению – кроется именно в миграционных процессах, принявших глобальный характер.

Попадая на новое место, мигрант естественным образом пытается определить себя по отношению к существующим в новом социуме социальным группам. Однако в ситуации изменения социально-профессионального статуса, нахождения в инокультурной (а зачастую – иноязычной) среде, разрыва со своей семьей, т.е. в состоянии *маргинализации* личности, чуть ли не единственно возможной остается самоидентификация именно по этнонациональному (этноэтатическому) принципу, дополненная религиозной.

Узость общения с внешним миром и смещение всех идентификационных координат зачастую порождают тесную интегрированность иноэтнической диаспоры, тем более устойчивую, чем сильнее различия с коренным населением по религиозному, этнокультурному (в том числе по языку общения) признакам.

Подобные, внутренне интегрированные, относительно однородные по этническому и конфессиональному признаку группы (диаспоры, землячества) могут оказывать некоторое «катализирующее» влияние на стереотипные (частично разрушенные) формы самоидентификации коренного населения. В результате мы можем наблюдать, как молодая девушка, воспитанная в *светской* традиции, увлеченно проповедует *ислам*, а поволжский *татарин* азартно скандирует: «Россия – для *русских!*». Оба – безусловно пытаются установить для себя некоторую форму «сопричастности» обществу. Однако такая «сопричастность» носит трагикомический оттенок.

На фоне всех этих явлений широкое распространение получили в наше время «квазиобщности» («как бы общности») – всевозможные общества «фанатов» (спортивных клубов, звезд эстрады и т. п.), отличающиеся друг от друга только цветом шарфов (футболок, кепок, значков и т. п.). К ним примыкают огромное количество псевдорелигиозных сект и «социальных движений». Для всех представителей этих квазиобщностей характерна упрощенная форма самоидентификации – деление мира на «своих» и «чужих», исходя из определенной внешней атрибутики (стандартных жестов и принятой цветовой символики). Представляется, что данные квазиобщности выполняют компенсаторную функцию по отношению к процессам самоидентификации личности, необходимую в условиях разрушения традиционных социальных структур.

Все вышерассмотренные тенденции, с одной стороны, носят характер устремленности в «прогрессистское» общество, с его принципами поликультурности, толерантности, политкорректности и идеалом суверенной личности, свободно меняющей социальные группы (где чуть ли не единственной, хотя и непостоянной формой самоидентификации является распределение по величине дохода и причастности к властным структурам). С другой стороны – они же могут быть рассмотрены в качестве свидетельства некоторого кризиса самоидентификации. Причем кризиса, относящегося как к «традиционалистской», так и «прогрессистской» модели общества.

Последняя, несмотря на позиционирование себя как «самой эффективной», тем не менее, не способна, соблюдая собственные идеалы и принципы, противостоять нагиску внутренне интегрированных моноэтнических общностей мигрантов с традиционно жесткой социальной структурой (недавние события во Франции в очередной раз подтвердили это).

Более того, сами представители «прогрессистской модели» самоидентификации свидетельствуют о ее неудовлетворенности, которая выражается как в активном создании квазиобщностей, так и в пессимистической оценке окружающей их реальности, которую они воспринимают как «мир, в котором нет ничего надежного, постоянного и стабильного» (фраза из телевизионной передачи).

Все вышеизложенное дает нам основания считать, что:

- 1) в настоящее время мы имеем дело с кризисом самоидентификации, который выражается в разрушении традиционных социальных идентификационных структур и создании квазиструктур с упрощенной формой самоопределения;
- 2) данный кризис может быть рассмотрен как один из аспектов общего антропологического кризиса, переживаемого человечеством;
- 3) преодоление данного кризиса лежит в сфере нахождения новой социально-идентификационной структуры, преодолевающей противоречия «посттрадиционалистской» и «прогрессистской» моделей самоидентификации.

Источники и литература

1. Кошкидько В. Г. Электоральные предпочтения основных социальных групп российского общества накануне выборов 2003 г. http://www.spa.msu.ru/e-journal/4/50_1.php.
2. Помренин К. /И. Сулькиса, и А. Каминского/ (Институт социального проектирования) Интернет и третий мир или Зачем юго-восточным варварам нужны северо-западные дикари? <http://www.prazdniki.ru/internet/9/>.
3. Криминального кодекса Украины Ч. 1–2 Ст. 22 (от 05.04.2001 № 2341–III, с изменениями, внесенными согласно Законом).
4. Семейного кодекса Украины Ч.2 Ст. 23 (от 10.01.2002 № 2947–III, с изменениями, внесенными согласно Законом).
5. Цивильного кодекса Украины Ч.2 Ст. 34 (от 16.01.2003 № 435–IV, с изменениями, внесенными согласно Законом).
6. Третья цивилизация. (Мостинская А.) <http://www.sciam.ru/2005/6/ochevidnoe.shtml>.

Горошко Е.И.**ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ**

Феминистские организации бросили социологи вызов, который был, хотя и с опозданием, принят на уровне эмпирического исследования: сегодня работ, посвященных проблемам и мировоззрению женщин, имеется значительно больше, чем когда-либо ранее. Однако само по себе это не решает вопроса, как наилучшим образом анализировать гендер и его связь с традиционными подходами в социологии.

Гидденс

В последнее время как слово «гендер», так и его дериваты «гендерный», «гендерно» всё прочнее и прочнее укрепляются в массовом постсоветском сознании, а также в научном и публицистическом дискурсах. Г. Г. Слышкин, изучивший частотность употребления этого термина в текстах политических СМИ России и Украины с 1997 по 2004 год, установил, что частотность употребления слова "гендер" и его производных за указанный период увеличилась более чем в 30 раз. Ученый считает, что «...это очень много для такой лексемы, которая, во-первых, иностранного происхождения, то есть не имеет отчетливой внутренней формы, во-вторых, довольно странно звучит для русского языка по сочетанию гласных и согласных, третье, никак не выходит ни на область рекламы, ни на область повседневного знания» [21, с. 272]. Г. Г. Слышкин считает, что если в 1990–х годах слово "гендер" встречалось в СМИ в основном в академическом дискурсе в названиях конференций (например: "В Петербурге состоялась конференция «Гендер: язык, культура, коммуникация» или «конференция "Гендер в жизни общества"»), затем – в сообщениях о новых книгах, то теперь слово "гендер" стало употребляться внутри собственно авторского текста. Причем, если раньше в основном использовалось именно существительное "гендер", то сейчас массово стали использоваться его производные: *гендерный, гендерно, гендеролог*, а также *гендерно* маркированный, *гендерно* отмеченный, *гендерно* ориентированный и так далее» [21, с. 272].

За последние десять лет гендерная тематика постепенно становится весьма востребованной практически во всем спектре социальных наук (в том числе социологии), судя по количеству публикаций, исследовательских проектов, выделяемым объемам финансирования и прочему. Интенсивно внедряются в систему высшего и даже среднего образования основы гендерных знаний (в основном за счет западного финансирования), появляется также и достаточно большое количество учебников и учебных пособий, посвященных гендерной теории [5; 6; 22; 23; 25].

К основным, базовым теориям, которые приняты сегодня в гуманитарных и социальных науках, О. А. Воронина относит три подхода к рассмотрению гендера:

- теорию социального конструирования гендера;
- стратификационную теорию гендера;
- культурно-символическую теорию.

В рамках теории *социального конструирования гендера* полагают, что гендер создается, конструируется обществом как социальная модель мужественности и женственности, которая определяет их роль в обществе и его основных институтах. Данная теория исходит из двух положений:

во-первых, гендер конструируется посредством социализации, разделения труда, системой гендерных ролей, семьей, СМИ и т. д.;

во-вторых, гендер производится и воспроизводится самими людьми – на уровне их сознания (т. е. гендерной идентификации), принятых обществом норм и ролей – и подстраивается под них на уровне действия.

В парадигмальных рамках этой теории активно используются такие термины, как «гендерная идентичность», переосмысленные по отношению к поло-ролевому подходу понятия «гендерная роль», «гендерный дисплей» и «гендерная дифференциация» [7].

И. С. Клецина также указывает, что «... гендер – это повседневный мир взаимодействия мужского и женского, воплощенный в практиках; это системная характеристика социального порядка, от которой невозможно избавиться, она постоянно воспроизводится и в структурах сознания, и в структурах действия. Когда социаль-